

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ВОЙН

© 2010 г. М. Е. СОРОКА *

«ПРОСВЕЩЕННЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны

Каждый народ создает свой образ чужих стран из разнообразных материалов: из личных и политических контактов, общей истории, культурных связей. Укоренившееся представление о чужой стране – то негативная, то позитивная сторона одного и того же образа «другого» – становится фактором, определяющим отношение к любым событиям, связанным с нею. В российском обществе симпатия к английской культуре обычно преобладала над враждебностью, порожденной многолетним политическим противостоянием. Исключение составляли лишь кризисные периоды. Так случилось в 1915 г., когда для российского общества, уставшего от войны, слились воедино понятия «война до победного конца» и военный союз с Британией. Образ коварного и расчетливого англичанина, популярный стереотип времен Крымской кампании, Восточного кризиса 1870-х гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг. в глазах просвещенного русского общества оказался одним из наиболее убедительных объяснений бедствий гибнущей Российской империи.

Мифологизированное представление об англичанах в России во многом объяснялось тем, что знакомство российских жителей с Англией было заочным. Торговля между обеими странами после наполеоновских войн постепенно хирела и только в конце XIX в. начала возрождаться. Англичан в России было немного, в основном они жили в Москве и Петербурге, где их преуспевающая колония «Фактория» держалась особняком. Таким образом, большинство населения Российской империи за всю жизнь ни разу не видели ни Англии, ни англичан, хотя бы о них весьма слышаны. В 1904 г. русский солдат, возвращавшийся с Дальнего Востока, попросил английского корреспондента расписаться на листке бумаги, дабы товарищи поверили, когда он похвалится, что встретил живого англичанина¹. Географическая удаленность и небольшое число русских, бывавших в Англии, не позволяли сформировать достоверное и полное представление об этой стране. Но иногда исторические события помогали преодолеть расстояния, игравшие роль своеобразного фильтра, благодаря которому в Россию попадали самые бесстрашные и предприимчивые британцы. В XVII–XIX вв. гражданская война, «Славная революция», якобитство и притеснения католиков заставили тысячи ирландцев, шотландцев и англичан покинуть родину. В большинстве это были военные или люди профессий, которые требовались для армии. Многие из них в поисках заработка добрались и до России, где отличились как армейские и морские офицеры, инженеры, учителя, врачи и администраторы. Если пролистать учебники и справочники по российской истории с целью найти следы британского присутствия, то окажется, что такие имена, как Брюс, Бейли, Грейг, Драммонд, Хьюз рассыпаны по их страницам. Этим изгнанникам Англия обязана тем, что издавна в России славилась английские обязательность, деловитость и профессионализм.

В XVIII–XIX вв. Россию покорила британская литература, особенно сильным было влияние романтизма. Зная Англию по книгам и понаслышке, сентиментальные англофилы в своем воображении наделяли далекую страну теми качествами, которых им так недоставало на родине: уважение к человеческой личности, скрупулезная чест-

* **Сорока Марина Евгеньевна**, доктор исторических наук, профессор университета Западного Онтарио (Канада).

ность, справедливость разумных законов, сочувствие слабым и обездоленным. Те, кто сомневались в себе или в России и искали путей к самосовершенствованию, рано или поздно открывали английскую философию. При этом многие из них только читали, но не говорили по-английски, а когда пытались, то их произношение сместило русскую знать, выращенную английскими гувернерами и гувернантками. Молодежь училась английскому, чтобы читать труды Э. Спенсера, Г.Т. Бакли (Бокля), Ч. Дарвина. Такие английские учения, как рационализм и самоусовершенствование (self-help) приобрели в образованной России популярность, какой не пользовались у себя на родине. Препуспевающая конституционная монархия, Англия времен Виктории и Эдуарда служила для российских либералов желанным политическим образцом. Описывая посещение в юности британского парламента, русский дворянин писал о том, что для него это здание было символом реальной свободы, за которую стоит отдать жизнь². При этом образ Англии как страны путешественников и мечтателей, родины «расы господ», соединялся в России с представлениями о промышленной Англии, откуда в Россию текли умные и удобные для жизни изобретения³. Обширный список английских слов, заимствованных в XIX в., относится, главным образом, к техническим нововведениям.

Как ни высмеивали англоманов за старания возвыситься над соотечественниками, за подражание английскому акценту и презрение к варварской России, но понятие «джентльмен» для русского человека заключало идею личной чести, самообладания и справедливости. Английская невозмутимость, ледяная выдержка и корректность пленяли русских по контрасту с их собственными перепадами настроений и невыдержанностью⁴. Кстати, несмотря на то, что в детских комнатах барских домов часто встречались английские няньки и гувернантки, образ «английской мисс» никогда не был идеалом для подражания в России⁵.

Русское увлечение Англией и англичанами вытекало из экзотической инакости их манер и вполне реальных достижений британской политической системы, науки и искусства. «Инакость» англичан была для русских одновременно и совокупностью свойств, которые они хотели бы приобрести, и чертами, остававшимися для них непонятными или неприемлемыми. Англичане воспринимались как романтические поэты и милые чудачки, но в то же время, по выражению Наполеона I, и как «нация лавочников». В глазах тех русских, которые болезненно переживали отсталость своей страны по сравнению с Западной Европой, они представляли как самый прогрессивный и процветающий народ XIX в. и лучший образец для подражания. Но русские осуждали в англичанах те самые черты, которые помогли им добиться успеха в делах и политике: способность к компромиссу, выдержку и прагматизм. По мнению русских, эти английские качества часто свидетельствовали о беспринципности, жестокосердии и расчетливости. Русское англофильство всегда имело сильный оттенок морализма. В России с подозрением относились к возможности соединить искреннюю христианскую веру с погоней за материальным богатством, однако успехи викторианской Англии рассматривались русскими англофилами (да и самими англичанами) как награда за их добродетель. Недаром в свое время Англия славилась размахом филантропии и государственных социальных программ, обществами трезвости и защиты детей, и т.п. Так, при явной антипатии к Англии, в суворинской газете «Новое время» одобрялись консерватизм и постепенность социальных реформ и деятельность Армии Спасения В. Бута по искоренению пороков среди бедноты⁶. Читателям регулярно передавались новости науки и техники из Англии, а также анекдоты о причудах эксцентриков-англичан.

Поездка на родину Байрона и Диккенса нередко приводила сентиментальных англофилов к разочарованию. Е. Бальмонт, жена поэта, жившая в Оксфорде в 1897 г., написала с обидой: «Они никогда не спрашивали нас о нашей жизни, о России. Обо всем русском говорили свысока, делая одно исключение для Л. Толстого». Бальмонт сердилась на пустые разговоры, «нерушимые правила» во всех мелочах жизни и особенно «лицемерие»⁷. Частое обвинение русскими англичан в лицемерии и неискренности во многом объяснялось их манерой избегать упоминаний обо всем, что выходит за рамки благопристойности, и выглядеть бодрым, каких бы усилий это ни стоило. Принципы,

определявшие поведение англичан («жалость к самому себе – гадость», «улыбайся, стиснув зубы» и т.д.), русские воспринимали как притворство. Английское воспитание того времени было нацелено на формирование людей, которые бы беспрекословно следовали принятым нормам поведения, а в России тогда же считали эксцентричность очаровательным английским свойством и очень удивлялись, что англичане считают русских дикарями за «оригинальное поведение». Достоевский объяснял это так: англичане очень умный народ, как «просвещенные мореплаватели» они видели множество стран и обычаев и хорошо их знают, но по высокомерию они не считают нужным приспособливаться к чужим обычаям⁸. Удивляла русских и уверенность англичан в своей этической непогрешимости: они могли ставить необходимость выше морали и ничуть этим не мучиться. Толстого возмутил рассказ английского миссионера о том, что, обращая индусов в христианство, они позволяли им многоженство⁹. Недоумение вызывала и смесь шовинизма и набожности¹⁰.

Несмотря на Крымскую войну и кризисы 1870–1880-х гг., в России не видели в Англии смертельного врага, а причины и масштаб британской русофобии были неизвестны большинству людей, наслаждавшихся чтением английских романов и научных трактатов. Более того, из-за глубокого раскола в русском обществе русские либералы порою не считали врага самодержавной империи врагом России. Англофобы чаще всего встречались в правящих кругах России. Там было хорошо известно, что в Англии считают Россию азиатской варварской страной. В 1905 г. гр. С.Д. Шереметев указал на английское воспитание и наполовину английское происхождение жены, как на объяснение недостатков Николая II. «Преклоняясь перед многим, что дала человечеству английская культура, уважая отдельных англичан и в особенности их моральную устойчивость во всех мыслях своих, я, тем не менее, почитаю английскую нацию и английское правительство заклятыми и коварнейшими врагами нашими, – писал он. – Это “Каиново отродье”... и никакого прочного “союза”, о котором стали мечтать в начале 20-го в., между нами быть не может. Такой союз для нас пагубен и явится новым позором ко всему пережитому в нынешнее злополучное царствование»¹¹.

Сообщения об англо-русских отношениях в русской прессе при Александре III и в первой половине царствования Николая II были довольно скудны, что контрастировало с постоянными рубриками «Россия и Болгария», «Россия и Германия» и «Россия и Китай» в «Стэндард» и «Таймс» в те же годы. При упоминаниях о Британской империи русские журналисты чаще всего указывали на бесчеловечность британского капитализма. Расизм и ханжество С. Родса и Дж. Чемберлена были постоянной мишенью критики и насмешек в «Новом времени». Русское общество сочувствовало покоренным Англией народам, и во время бурской войны 1899–1901 гг. немало русских отправились добровольцами воевать против англичан. Англо-бурская война, начавшаяся поражениями Британии, вызывала у русских англофобов нескрываемую радость. Дипломат Н.В. Чарыков вспоминал характерный обмен репликами между дипломатами в Сиаме в это время. «Трагическая новость! Генерал Батлер потерпел поражение и потерял несколько орудий!» – воскликнул англичанин. Русский весело ответил: «Чем же она трагическая? Напротив, прекрасная новость! Все зависит от точки зрения!»¹². Даже тактичный Николай II не удержался от соблазна уколоть дядю, короля Эдуарда VII, указанием на будто бы некрасивое поведение Англии, за что и получил отповедь: «В твоём письме сказано, что в Трансваале “крохотный народ отчаянно защищает свою страну”! Не знаю, известно ли тебе, что это буры начали войну после многих лет тщательной подготовки, а со стороны Англии не было ни одного акта, который по международным законам буры могли бы назвать провокацией»¹³. В переписке российского и английского монархов такие обмены любезностями происходили регулярно с той лишь разницей, что, как правило, упрёки в жестоком подавлении освободительных движений среди подвластных народов адресовались Англией России. Сами англичане не чувствовали угрызений совести за колониальные захваты, а потому и в России воспринимали нападки британских газет на российскую политику в Польше или в Средней Азии как чистое лицемерие.

Во время русско-японской войны к Англии относились враждебно, считая ее не только союзницей Японии, но и подстрекательницей. «Шок от мерзкого англояпонского союза чересчур усилил нашу англофобию, – писал 15(28) сентября 1905 г. министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу, имея в виду Николая II и членов императорской фамилии, – которую некоторые органы нашей прессы... пытаются раздуть среди публики»¹⁴. Против Англии были настроены император и высшая знать. Когда в начале 1905 г. начало разгораться революционное движение, гр. Софья Бенкендорф сообщала мужу, послу в Англии, о том, что обер-церемониймейстер кн. А.С. Долгорукий всем говорил, будто рабочие забастовки оплачиваются английскими деньгами¹⁵. Английскому обществу было действительно отрудно видеть революцию, подрывавшую позиции России изнутри в то время, когда война ослабляла ее извне. Член британского правительства гр. Онслоу писал сыну, дипломату, находившемуся в Петербурге: «Конечно, революция в России была бы нам очень кстати. Мы хотим, чтобы она ослабла, но войны с ней не хотим»¹⁶. Разумеется, от сбора средств английскими обществами «Друзей освобождения России» до казенных британских субсидий стачечным комитетам и террористическим группам было далеко. Однако в Петербурге было столь же трудно поверить в то, что не правительство, а отдельные англичане устраивают сбор средств для российских революционеров, как в Лондоне – признать неправительственный характер деятельности «славянских комитетов».

И Ламздорф, и Бенкендорф философски относились к нападкам в английской прессе и больше беспокоились о том, чтобы сдержать печать в России. Понимая, что России совершенно ни к чему обострение отношений с Англией в условиях войны с Японией, посол внушал эту мысль вдовствующей императрице Марии Федоровне, надеясь на ее влияние на сына¹⁷. Через знакомых журналистов он пытался убедить не разжигать страсти нападками на Англию и редакцию «Нового времени», но мало преуспел¹⁸. Тем не менее дипломаты сумели предотвратить конфликт, и даже когда общественное мнение обеих стран было настроено крайне воинственно, они готовили англо-русское сближение. По окончании войны Англию вновь полюбили в петербургском обществе, и англичан встречали там с распростертыми объятиями¹⁹. Англо-русская конвенция 1907 г. открыла десятилетие более дружественных отношений между обеими империями. В этот период, осознавая, что предубеждения мешают проведению нового политического курса, правительства обменивались «визитами доброй воли», которые приучали и народы, и европейские кабинеты к мысли об англо-русской дружбе. В июне 1914 г. в Петербург прибыла британская эскадра. Российские газеты выражали восторг, публику приглашали посещать корабли. Очевидцы, бывшие тогда детьми, вспоминали в глубокой старости всеобщее удивление тому, насколько англичане не соответствовали русским представлениям о них. Их ожидали увидеть безмолвными, бесстрастными и скучными, а они оказались веселыми и гостеприимными людьми. Правда, как отмечали мемуаристы, насколько английские матросы были просты и симпатичны, настолько же офицеры держались надменно и холодно²⁰.

После революции 1905–1907 гг. в России произошли большие изменения – появились легальные политические партии, свободная печать, Государственная дума, но отношение к Англии осталось прежним. Даже у англофобов неприязнь к Британской империи уживалась с довольно положительным образом англичан. Консерваторов выводили из себя постоянные призывы кадетской «Речи» брать пример с английской политической системы. «Речь» же доходила до того, что рекомендовала Лондону поставить англо-русское сближение в зависимость от характера внутренней политики Николая II и не заключать соглашения без гарантии реформ²¹. Но даже «Речь» пугала читателей хищным британским капитализмом и империализмом. В частности, интерес английских финансистов к России рассматривался как признак того, что она становится полуколонией, как Венесуэла и Турция²². Таким образом, негодование у западников-кадетов вызывало то же самое, что уже полвека осуждали славянофилы. Впрочем, судя по российской прессе предвоенных лет, финансовая и колониальная политика Англии занимала читающую публику меньше, чем появление в продаже английских велосипе-

дов, средств от облысения и тканей, а «поверхностный и вульгарный Конан Дойль», как писало «Русское слово», покори́л русских гимназистов, конторщиков и швеек²³.

С началом Первой мировой войны в России, Англии и Франции журналисты, не сговариваясь, стали писать об Антанте как о союзе близких по духу наций, не допуская и мысли, что это всего лишь временная политическая комбинация, основанная на частично совпавших интересах. И английские, и русские газетчики видели, что союз между недавними соперниками нуждается в эмоциональном наполнении. Нужно было создать чувство дружеской близости. Но на какой почве можно было свести русского и англичанина, если издавна признавалось, что они во всем различны и даже противоположны друг другу? Официальная пропаганда нашла выход: русский и английский народы объявили взаимодополняющими²⁴. Н. Губский, много лет проживший в Англии, так передавал настроения времен начала войны: русские считают, что английскую нацию можно уважать и даже ей завидовать, но не очень завидуют, поскольку англичанам не хватает широты натуры, тем не менее обоим народам полезно поучиться друг у друга, так как русские, пожив в Англии, становятся более терпимы и уравновешены, а англичане, побыв среди русских, ведут себя проще и мягче²⁵.

В обеих странах журналисты сразу же взялись за работу по созданию образа «доблестного союзника». Это достигалось акцентированием тех качеств, которые больше всего могли понравиться читателю. Русские представления об Англии как стране неистощимого оптимизма, богатства, технического прогресса и мощного флота выражались в каждом номере воскресного приложения «Нового времени». Глаз читателя радовали фотографии британских дредноутов в открытом море, генералов и частей Британского экспедиционного корпуса, прибывавших во Францию. Все это сопровождалось восторженными комментариями²⁶. Прежде осуждавшееся британское владычество в Индии представлялось теперь совершенно иначе: индийские войска во Франции и австралийская кавалерия должны были приблизить победу. Британские резервы казались такими же неистощимыми, как и британский оптимизм²⁷. Газета регулярно печатала фотографии о том, как проходит в Англии кампания по сбору пожертвований для российского Красного Креста, снимки из госпиталя, устроенного английской колонией в Петрограде²⁸.

Однако со временем становилось все яснее, что, несмотря на техническую и финансовую помощь союзников, Россия сражается с австро-венгерскими, германскими и турецкими армиями одна. Французы и англичане воевали бок о бок, а русские не чувствовали того, что союзники делят с ними тяготы, но они часто слышали и читали, что десятки тысяч русских солдат погибли ради спасения Парижа, Вердена и Соммы. Британский военный агент генерал Нокс писал, что даже русские офицеры, которые изучали военное дело, не могли понять, как это союзники, располагая всеми необходимыми ресурсами, позволяют Германии перебрасывать дивизии с Западного фронта на Восточный²⁹. А неискушенная публика тем более должна была находить это странным и подозрительным. Фотографии веселых английских «томми», играющих в футбол в перерыве между боями, в 1915 г. могли только раздражать читателей «Нового времени». Веселые лица англичан свидетельствовали о том, что они продолжают богатеть за счет военных заказов и кредитов, опутавших Россию с головы до ног. Встревоженный русский дипломат написал в частном письме своему бывшему начальнику гр. А.К. Бенкендорфу, что в России ходят слухи, будто русским предприятиям приказано помещать заказы только в Англии, общество видит в этом признак закабаления России и это вызывает возмущение: «В России слишком часто говорят о том, что английская гувернантка пришла на смену немецкой няньке»³⁰.

Летом 1915 г. британские офицеры, прикрепленные к Ставке, обратили внимание русского командования на то, что в «Биржевых новостях» появилась статья с нападка́ми на союзников, исходящими из Ставки верховного главнокомандующего. Корреспондент «Таймс» Р. Уилтон написал английскому министру обороны лорду Китченеру, что русская пресса по заданию Германии агитирует против союзников³¹. Это вызвало столь серьезное беспокойство, что главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу пришлось через английского представителя при Ставке заверять лорда Китченера в своей

непричастности к публикации. В Ставке, по его словам, никто не критиковал военные операции англичан³². На приеме у короля Георга V российский посол в ответ на выраженное королем беспокойство заявил, что Англию в России любят, как никогда, и только недавние военные неудачи русской армии вызвали у некоторых лиц мимолетное раздражение³³. Но уже в конце 1915 г. в «Таймс» была напечатана статья журналиста С. Уошборна «Русские не знают о том, что мы делаем». Корреспондент предупреждал, что русские солдаты знают, что им приходится отступать из-за отсутствия патронов, но ничего не знают о тех огромных кредитах, которые Россия получила от Британии на закупку боеприпасов. Русские не знают, что Англия потеряла полмиллиона солдат убитыми. На свете нет более отзывчивого народа, чем русские, писал Уошборн, и в начале войны они готовы были умереть за союзников, но «на сегодняшний день в России нет преданности» делу Антанты, за исключением узкого кружка дипломатов и высшего офицерства. Он напоминал читателям о том, как германская пропаганда подрывает престиж Англии в России, и задавал вопрос: «Что сделала Англия, чтобы поднять дух у союзников?»³⁴.

Граф Бенкендорф сообщил в Петербург, что корреспонденция Уошборна сильно встревожила британское правительство. И в Англии, и в России государственным деятелям было ясно, что на послевоенных переговорах союзники смогут получить желаемое только в том случае, если будут действовать сплоченно. И именно во время войны следовало заложить основу для близких отношений в дальнейшем. Чтобы поправить репутацию английского союзника в России, посол предлагал «стимулировать субсидиями» нужный тон российской прессы³⁵. Со своей стороны, английские власти организовали в Москве и Петрограде британские Бюро пропаганды³⁶. Уже в январе 1916 г. в Россию отправили серию документальных фильмов «Британия наготове» («Britain Prepared»), для «распространения правильных сведений о роли армии и флота Великобритании в войне». Фильмы показали во всех больших городах России³⁷. В феврале 1916 г. по приглашению британского правительства в Англию приехала группа русских журналистов, писателей и политических деятелей, среди которых были Корней Чуковский, гр. А.Н. Толстой, депутат Государственной думы В.Д. Набоков. Книги и статьи, написанные членами данной делегации, описывавшие теплые чувства англичан к России и их самоотверженную работу для фронта и победы, широко рекламировались, но не могли изменить общее настроение. Как только мысль о том, что русских приносят в жертву Антанте, укоренилась в умах, дело союзников было проиграно. Российская внешняя политика, начиная с заключения русско-французского союза, теперь казалась цепью ошибок. «Если бы он остался более у власти, — писал уже после войны об Александре III вел. кн. Александр Михайлович, — он с негодованием отверг бы роль франко-английского парового катка... каковая роль была навязана России в 1914 году»³⁸.

Писатель Х. Уолпол, служивший в петроградском Бюро пропаганды, завел много русских друзей и со знанием дела написал знакомому о том, что русский пессимизм это бездонная пропасть³⁹. Когда в 1916 г. британский посол Дж. Бьюкенен спросил его, что сказать царю по поводу антианглийских настроений в Петрограде, Уолпол ответил: «Здесь прогерманские настроения — главным образом, вопрос кровного родства и подкупа, так что мы ничего изменить не можем»⁴⁰. Антивоенные настроения, как в Англии, так и в России, официально именовались германской пропагандой, и Уолпол строго этому следовал, но он был прав, считая безнадежными любые пропагандистские усилия. Постоянные призывы продолжать войну из чувства верности союзному долгу привели только к растущей неприязни в союзниках. К 1916 г. антивоенное настроение так распространилось, что личная преданность Николая II союзникам воспринималась как главное препятствие для сепаратного мира. А так как пропаганда военного времени усердно восхваляла англо-русский союз, то и союз, и Англия связывались в общественном сознании исключительно с ненавистной войной.

В конце 1916 г. известие о том, что леди Бьюкенен, жена английского посла, получила Екатерининскую ленту за помощь русской армии, свидетельствовало о прочности англо-русской дружбы, но правительство, которому следовало поддержать эту дружбу, уже разваливалось. Накануне февральской революции «Речь» защищала англичан с

прежней пылкостью. Комментируя мирную инициативу президента Вильсона и ответ английского министра иностранных дел А. Бальфура, газета напоминала читателям, что Англия готова жертвовать кровью и деньги в небывалых размерах ради выполнения союзнического долга и спасения мировой цивилизации⁴¹. Для кадетов будущее России было неразрывно связано с Англией. Удержать Россию от сепаратного мира было для них важнейшей задачей, и верность союзникам стала их едва ли не самым уязвимым местом, когда они вошли во Временное правительство. Распространенное в Англии мнение о непостоянстве русского характера опровергалось неуклонной защитой Англии и Антанты в «Речи». В октябре 1917 г., рядом с сообщениями о грядущем большевистском перевороте, указывалось: «Мы погрязли в междоусобицах... [а] наши союзники продолжают наносить поражения австро-венгерской армии»⁴². Кадетский орган усиленно опровергал слухи о том, что Англия пытается заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, зная, как легко русские поверят в такое коварство⁴³. Большевистская «Правда» гораздо лучше отражала настроения и представления широких масс, когда твердила, что Временное правительство является марионеткой хищного и ненасытного англо-французского империализма⁴⁴. Публиковавшиеся в газете заграничные новости должны были убедить читателей в том, что растущее по всей Европе антивоенное движение вскоре заставит все народы сложить оружие⁴⁵.

Поспешность, с которой союзники отвернулись от российского императора после его отречения и признали Временное правительство, а позднее пытались договориться с большевиками, возмущала русское чувство. После того, как был подписан Брестский мир, английский знакомый сказал бывшему царскому дипломату, что Англия долго не простит этого России. «Прямой причиной этого несчастья была революция, которую... в Англии приветствовали и поддерживали», – ответил тот⁴⁶. Британский политический прагматизм воспринимался в России как предательство. То, что в 1918 г. англичане и французы (на последних обращали меньше внимания) побеждали, тогда как Россия разваливалась, служило для русских доказательством того, что союзники выжали их, как лимон, и выбросили за ненадобностью. Даже Германия не вызывала такого озлобления, поскольку Германия была врагом и действовала как враг. 29 апреля 1918 г. бывший сотрудник «Нового времени» М.О. Меньшиков, подвел в дневнике итоги войны для России: «Сегодня немцы должны быть в Гельсингфорсе. Французы высаживаются на Мурманск. Англичане и японцы – во Владивостоке. Турки в Карской области. Австро-германцы уже забрали всю Малороссию. Румыния – Бессарабию. Немцы – всю Польшу и Прибалтийский край... Разрушили империю Петра Великого и предоставили развалины народа самим себе». «Вот, что устроила нам, главным образом, милая Англия, втянувшая славянского дурака в мировую свалку», – заключал он⁴⁷.

По мере того, как росла усталость от войны, общая неприязнь россиян сосредоточилась именно на Англии. Общественное мнение винило Англию в войне, не вспоминая о том, что не Россия последовала за Англией в «мировую свалку» в августе 1914 г., а Англия за Россией. Усердная пропаганда английской дружбы и английского всемогущества, призванная укрепить положительное отношение ко вчерашнему сопернику, также сыграла свою роль в том, что именно «коварный Альбион» вызывал у русских читателей газет наибольшее раздражение. Война затянулась, но могучий британский союзник, от которого ждали так много, никак не приходил на выручку. Пропаганда чересчур успешно соединила в общественном сознании Британию и войну, а восприятие Англии в России даже после десятилетнего политического сближения осталось верно старым стереотипам.

Примечания

¹ *Baring M. The Puppet Show of Memory. L., 1987. P. 272.*

² *Tcharykow N. Glimpses of High Politics. Through War and Peace (1855–1929). L., 1929. P. 79.*

³ *Nabokov V. Speak, Memory. N.Y., 1966. P. 79.*

⁴ Н.А. Тэффи описала перевоплощение русского человека в «англичанина» в юмористическом рассказе «Трубка». Невзрачный репортер, которым помыкают и дома, и на службе, вдруг видит

в магазине трубку, какую в романах курят английские морские волки. Он покупает английскую трубку и меняет свой образ жизни на «английский»: перестает брать деньги взаймы, бреется каждое утро, на обед ест сырой бифштекс с пол-бутылкой портера. Стиль его репортажей становится сухим и документальным. На ругань сожительницы он теперь отвечает только одно: «В моих глазах всякая женщина – леди, а джентльмен не может спорить с леди». (Антология сатиры и юмора России XX в. М., 2004. С. 339).

⁵ Стереотип англичанки был скорее комический, как персонажи пушкинской «Барышни-крестьянки» и чеховского рассказа «Дочь Альбиона». Вероятно, это связано с тем, что бедные и одинокие старые девы, приезжавшие в Россию гувернантками, не давали пищи романтическому воображению. Чопорность, которая была им единственной защитой от возможных унижений, вызывала насмешку у хозяев.

⁶ Новое время. 1891. 4(16) января. С. 8.

⁷ Бальмонт-Андреева Е.А. Воспоминания. М., 1996. С. 329–330.

⁸ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб., 1999. С. 614.

⁹ Лев Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1978. С. 330.

¹⁰ Там же. Т. 2. М., 1978. С. 159.

¹¹ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 288–289.

¹² Tcharykow N. Op. cit. P. 111.

¹³ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1388, л. 15–16.

¹⁴ Колумбийский университет, Бахметевский архив, фонд Бенкендорфов 2 (далее – ФБ2), ящик 13.

¹⁵ Там же, ящик 21.

¹⁶ Surrey History Centre (Woking). Onslow Collection. G 1 173/24/88.

¹⁷ ГА РФ, ф. 1126, оп. 1, д. 4, л. 1.

¹⁸ ФБ2, ящик 13.

¹⁹ Henderson N. Water Under Bridge. L., 1945. P. 42.

²⁰ Пызин Д.А., Засосов В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991. С. 33–34.

²¹ Речь. 1906. 28 мая (10 июня). С. 2.

²² Там же. 1907. 5(18) октября. С. 2.

²³ Русское слово. 1907. 18(31) июля. С. 3.

²⁴ Heyking A. Problems Confronting Russia and Affecting Russo-British Political and Commercial Intercourse. A Retrospect and Forecast. L., 1918. P. 146–147.

²⁵ Gubsky N. Angry Dust. An Autobiography. L., 1937. P. 223.

²⁶ Новое время. 1914. 27 сентября (10 октября). С. 12.

²⁷ Там же. 1915. 07 (20) марта. С. 11.

²⁸ Там же. 1914. 23 апреля (6 мая). С. 9.

²⁹ Knox A.W.F. With The Russian Army. 1914–1917. N.Y., 1971. P. 471.

³⁰ ФБ2, ящик 14.

³¹ АВП РИ, ф. 134, архив «Война», оп. 473, д. 117, л. 6.

³² Там же, л. 7.

³³ Там же, л. 10/12.

³⁴ The Times. 1915. December 23. P. 7.

³⁵ АВП РИ, ф. 134, архив «Война», оп. 473, д. 103, л. 26.

³⁶ Hart-Davis R. Hugh Walpole. A Biography. L., 1952. P. 157.

³⁷ The Times. 1916. January 22. P. 7.

³⁸ Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. М., 1991. С. 58.

³⁹ Hart-Davis R. Op. cit. P. 156.

⁴⁰ Ibid. P. 157.

⁴¹ Речь. 1917. 1(14) января. С. 1.

⁴² Там же. 24 октября (6 ноября). С. 3.

⁴³ Там же. 2(15) сентября. С. 2.

⁴⁴ Правда. 1917. 13(26) марта. С. 3.

⁴⁵ Там же. 8 (21) марта. С. 1.

⁴⁶ Heyking A. Op. cit. P. XIV.

⁴⁷ Меньшиков М.О. Дневник // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв.). Вып. IV. М., 1993. С. 80.